Палач снов

18+

Роман Лагода

Роман Лагода

Палач снов

«Автор»
2026

Лагода Р.

Палач снов / Р. Лагода — «Автор», 2026

В Белосоли преступников не всегда казнят. Их укладывают в соляные колыбели — и превращают их кошмары в мглу, за которую платят целые города.Злата Вереск поступает в Бессонную академию под чужим именем. Её отец спит в нижнем ярусе уже четыре года, и Злата намерена добраться до него — даже если для этого придётся нарушить каждое правило.Но за колыбелями скрывается нечто большее, чем запретный архив. А единственный, кто может провести Злату вниз, — магистр Арвид Холм, прозванный Палачом. Именно он уложил её отца. Именно он однажды закрыл дверцу шкафа, за которой пряталась Злата.Чтобы раскрыть тайну мглы, ей придётся довериться человеку, которому есть за что её ненавидеть. Или которого есть за что ненавидеть ей.Некоторые сны лучше не будить.

© Лагода Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Первый блин 5
Глава 2 10
Сто тридцать 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Роман Лагода
Палач снов

Глава 1

Первый блин

На вступительном меня заперли в голове убийцы. Правило было простое: выйти прежде, чем он вспомнит, что я здесь. Мне его сообщила девушка в зелёном пальто. До этого я знала только прозвище экзаменатора. В очереди его произносили вполголоса — проверяли, не отзовётся ли кто. Палач.

Девушка вернулась через двадцать минут. Лицо белое, на запястье темнели синяки. В кулаке — связка сушек на бечёвке. Остановилась рядом, уставилась в стену.

— Выйди прежде, чем он вспомнит, что ты там.

Откусила сушку и ушла.

Следом позвали меня. До соляной галереи было сто четырнадцать ступеней. В стенах — ниши. В каждой колыбель и жестяная бирка: фамилия, статья, год. На всех одно и то же слово: «Уложен». Графы «Разбужен» не было. Я считала ступени, чтобы не читать имена. Магистр шёл впереди и ни разу не оглянулся.

— Вы считаете, — сказал он на девяносто шестой.

— Чтобы не упасть.

— Упадёте внизу. Здесь можно не стараться.

Я не поняла, шутка это или предупреждение.

Подземный коридор оказался ниже, чем я ждала. Магистр пригнул голову. Я — нет. Стены сошлись так близко, что пришлось провести ладонью по камню: проверить, не ползёт ли. Палец стал шершавым. Я облизнула его. Солёный. Значит, явь. Так было написано в книжке за шесть копеек, купленной вместе с документами.

За серой занавеской стояла колыбель — соляное корыто под серым одеялом. Рядом табурет и ведро с рассолом. Магистр вынул часы. Стекла не было. Он коснулся стрелки пальцем: идёт ли.

При свете фонаря я разглядела его. Высокий, сутулый. Нос когда-то сломан и сросся криво. Виски седые, хотя самому лет тридцать пять. Левая кисть в белых буграх старых ожогов. Я посмотрела на неё. Потом заставила себя смотреть в сторону.

— Холм, — сказал он. — Магистр дознания.

— Ольга Серова.

— Вижу. Бумага передо мной.

Серовой я была третью неделю. Злату Вереск сдала в камеру хранения на вокзале, в чемодан с двойным дном, рядом с отцовской бритвой и маминым гребнем. Номерок бросила в канал. На всякий случай.

Холм кивнул на колыбель.

— Савва Гром. Сорок один год. Спит третий. Трое убитых. Двоих нашли.

У Грома было доброе лицо: круглые щёки, веснушки, мягкий рот. Так выглядят торговцы мёдом, которые дают попробовать с ножа. Из-под одеяла шло ровное дыхание.

— Найдите нож, — сказал Холм. — Где держит. Ничего больше.

— Ничего больше.

— Гром не знает, что спит. Не давайте повода догадаться. Поймёт, что вы чужая, — выходите.

Как?

— Счёт назад. Якорь.

— Какой якорь?

Я коснулась шнурка под воротом. Латунный ключ от дома на Кожевенной. Дома уже не было. На бородке щербина. Я узнавала её пальцами, не глядя.

— Есть.

Холм не спросил, от чего ключ. Сел на табурет. Часы — на колено.

— Ладонь на запястье. Счёт до десяти. На десяти падаете. Время пойдёт, когда начнёте.

Я опустилась на колени. Соль царапнула юбку и прошла холодом сквозь ткань. Запястье Грома широкое, рыжее от волос. Под кожей синела жилка. Потолок нависал так низко, что я не видела его, только чувствовала теменем. Хотелось выпрямиться. Выпрямляться было некуда.

Раз.

Я решила коснуться на десяти. Сначала досчитать, потом положить ладонь. Так спокойнее. Пальцы дрожали, и я держала их над запястьем. Глупо: человек, который спит третий год, дрожи не заметит.

Два. Три.

Сверху сухо хрустнуло. С потолка осыпалась соль.

Четыре. Пять. Шесь.

На семи потолок исчез. Я стояла на кухне. Солнечный прямоугольник лежал на столе. В консервной банке на подоконнике росла герань. За окном пели женщины — далеко, хором, что-то свадебное. Пахло горячим маслом.

Савва Гром стоял у плиты в фартуке с петухами и пёк блины.

— О! Соседушка. За солью пришла?

Голос был такой, каким говорят: кушай, не стесняйся.

— За солью.

— Так у нас её весь город на себе держит. Бери, не жалко.

Он указал на полку, на банку с надписью «САХАР».

— Садись. Первый блин собакам, второй тебе.

Я села. Табуретка была та же, что внизу, у колыбели. Сон не стал прятать знакомую вещь. Первый блин вышел рваным. Гром отправил его под стол. Оттуда донеслось чавканье. Я не стала заглядывать.

Он мешал тесто большим ножом. Деревянная ручка обмотана синей изолентой. Лезвие ходило по эмалированному тазу, тесто тянулось и чмокало.

— Мама венчиков не признавала, — сказал Гром. — Нож и взобьёт, и нарежет, и заступится. Ты кушай.

На столе появилась тарелка. Блин тонкий, ровный, в дырочках. От запаха свело живот. Я не ела с утра, а до того — со вчерашнего обеда. Откусила. Во рту расползлась мокрая безвкусная мякоть.

— Вкусно, — сказала я.

— А то. Мамин рецепт.

Этот человек задушил троих и теперь угощает меня блинами. Я сижу у него в голове. Мама, может, тоже здесь, за стеной. Под столом снова захлопали челюсти. Я засмеялась в кулак.

Гром посмотрел на меня.

— Ты чего?

— Нож красивый. Не боитесь, что украдут?

Вопрос вышел прямой и глупый. Холм наверняка записал бы его в список того, чего делать не следует.

Гром весело погрозил мне ножом. С лезвия стекла капля теста.

— Кто его украдёт? Я его в муке прячу. В ларе, на самом дне. Мама так делала, и я делаю. Мука всё в себя берёт: запах, сырость…

Он замолчал. Нож замер над тазом. Я перестала жевать.

— Сырость, — повторил он и снова принялся мешать. — Ты кушай.

Нож — в ларе с мукой, на дне, в доме матери. Задание выполнено. Можно уходить: счёт назад, ключ, соляная ниша, магистр с часами без стекла. Но под столом лежал половик, и оттуда тянуло холодом, погребом, квашеной капустой. Каждый раз, переворачивая блин, Гром коротко косился туда. Будто проверял, не убежало ли молоко.

Трое, сказал Холм. Двоих нашли. Третьего не нашли. Кто-то ждёт его третий год. Ставит лишнюю тарелку и убирает в буфет. Я сама так делала, пока дом не отобрали. А ниже ста четырнадцати ступеней четвёртый год спал мой отец. Экзамена мне было мало.

— Соседушка, — сказал Гром, не оборачиваясь. — Половик не трогай. Мама ругается.

Я ещё не тронула. Только посмотрела.

На сковороде зашипело. Блин почернел по краям. Гром охнул и схватился за ручку. Я присела, откинула половик и нащупала железное кольцо. Под столом никого не было. Только миска, вылизанная до блеска.

Люк поднялся легко. Вниз уходила узкая лестница. Восемь ступеней. Там было темно и тесно. Потолок ниже, чем в соляной нише. Пальцы на кольце вспотели. Я полезла.

Погреб оказался размером со шкаф. Это стало ясно прежде, чем глаза привыкли: плечи едва проходили между кадушками, руки не развести. Пахло рассолом и сырой землёй. Я начала считать вперёд.

Восемь. Девять. Дыши. Десять.

Крышки кадушек придавили камнями. На одной камня не было. Передо мной стоял не чан из дерева, а железный, рыжий от ржавчины. На боку клеймо: «Пятая солеварня». Такие выбрасывали за старыми варницами, когда прогорало дно. Чан был засыпан солью. Из соли выступал рукав чёрного сатинового нарукавника — такие носят счетоводы, чтобы не протирать локти. Из рукава торчала белая кисть. Пальцы сохранились чистыми. Соль сберегла их.

Я не закричала. Досчитала до двадцати и повторила про себя: пятая солеварня, железный чан, прогоревшее дно, нарукавник.

Свет в люке погас.

— Ты не соседка, — сказал Гром сверху.

Голос остался прежним. Только из него вынули «кушай» и «соседушка».

— Соседка рыжая. Ты кто?

Дерево скрипнуло. Он спускался без спешки. Нож остался наверху.

Десять, начала я. Девять.

На восьмой ступени он взял меня за горло. Рука тёплая и мягкая, как тесто. Большой палец лёг под подбородок, остальные сомкнулись сбоку. Он прижал затылок к кадушке и надавил. Не со злостью. Тщательно, будто месил.

Семь я сказать не смогла. Воздуха не было. Сверху всё тянули свадебную. В книжке за шесть копеек было написано: считать вслух. Про шёпот там ничего не говорилось. Про молчание — тоже.

Левую руку я просунула под ворот и нашла ключ. Правая шарила за спиной и провалилась в чан по запястье. Соль была сухая, ей было всё равно. Пальцы набрали горсть. Я не заметила.

Ключ на месте. Щербина на бородке. Я сжала так, что край впился в ладонь. Боль пришла не из погреба. Из соляной ниши. Из яви.

Губы шевельнулись без звука.

Шесь. Пять.

— Кто тебя прислал? — спросил Гром. От него пахло блинами.

— Кто?

Четыре. По краям зрения собиралась темнота. Три. Два. Один.

Я лежала на соли. Табурет опрокинут. Ведро на боку, рассол щипал щёку. Я попыталась вдохнуть. Воздух протолкнулся в горло с трудом. Кашель оказался больнее молчания. Савва Гром спал. Одеяло поднималось раз на четыре моих счёта. Мне показалось, он улыбается. При таком свете улыбаться мог кто угодно.

— Шесть минут сорок одна секунда, — сказал Холм.

Он стоял рядом. Часы в руке.

Я села. Ниша качнулась и медленно встала на место.

— Нож.

— В муке. В ларе, на дне. У матери.

Голос сорвался в хрип. Холм записал. Быстро, мелко.

— Всё?

Можно было сказать «всё». Задание выполнено, время есть. Меня взяли бы в группу, где учат брать у спящих только то, что велено.

— Третьего нашли в чане, — сказала я. — Железном. На боку клеймо: Пятая солеварня. Дно прогорело. Засыпан солью. На руке чёрный нарукавник.

Карандаш замер. Холм не похвалил. Положил тетрадь на табурет и присел. Колени хрустнули. Звук был такой будничный, что я опять едва не засмеялась.

Он коснулся подбородка двумя пальцами и повернул лицо к фонарю.

— Потерпите.

Левую руку — ту, в ожогах, — положил мне на шею. Не сжал. Прижал ладонь: большой палец спереди, остальные сбоку, где горело. Шрамы гладкие, прохладные. От него пахло чаем и солью. Я не отодвинулась. Под его ладонью боль стала тише. На её место пришло тепло, сразу и в шею, и в лицо. Я сидела в рассоле, с мокрым носом, и не хотела, чтобы он убирал руку.

— Сто тридцать, — сказал Холм.

— Что?

— Пульс. Пока вас душили, был ниже. Я смотрел на жилку.

Он убрал ладонь. Я не нашла, что ответить. Он и не ждал.

— Вы ушли за рамки. Зачем?

— Третьего ждут.

— Вы его знаете?

— Нет.

— Тогда зачем полезли?

Я пожала плечом. Плечо отозвалось. Холм ждал. С часами без стекла он мог ждать сколько угодно.

— Чтобы вы меня запомнили.

Правда. Не вся.

Он поднялся, поставил табурет, убрал тетрадь во внутренний карман. На ладони краснел след от ключа. Пока без крови.

— К утру проступит, — сказал Холм.

Под ногтями правой руки белели мелкие крупинки. Соль. Со стен, наверное. Я вытерла пальцы о юбку.

— На каком счёте упали?

— На семи. Раньше, чем нужно. Волновалась.

— Где была ладонь?

— На запястье.

— Нет.

Он отвернулся к колыбели и поправил одеяло Грома, взявшись за самый край.
— В двух пальцах над его рукой, Серова. От первого счёта до последнего. Я видел.
Я сжала ключ под воротом. Металл согрелся от кожи. Холм снова посмотрел на меня.
— Вы вошли без касания. Таких здесь не учат. Таких здесь укладывают.

Глава 2

Сто тридцать

Арвид

В протоколе оставалось одно слово: «врождённый». После этого Серову уложили бы до первого снега. Совет прислал бы благодарность на гербовой бумаге. Я наконец лёг бы спать.

Протокол лежал на столе с пяти вечера. Сейчас было без четверти двенадцать. Я проверил часы пальцем. Стекло выбили шесть лет назад. Нового я так и не вставил. При тусклой лампе проще нащупать стрелку, чем щуриться.

Чай остыл. Я подсыпал соли из бумажного кулька и выпил за три глотка. Приезжие морщатся. Я вырос над рудником. Пресная вода для меня на вкус как из лужи.

В протоколе всё было заполнено моим почерком, кроме одной строки.

Поступающая: Серова О. П., 24 года. Спящий: Гром С. Л., ниша третья. Задание: место хранения орудия. Выполнено: ларь с мукой, дом матери спящего. Сверх задания: место сокрытия тела. Подтверждено полицией в 15:20. Пятая солеварня, чан 4. Время во сне: 6 минут 41 секунда. Способ входа: _____.

Пустую строку я дважды обвёл и дважды стёр.

За двенадцать лет я видел вход без касания дважды. Грузчик из Нижней слободы проваливался в сны соседей через стенку барака. Жена податного инспектора заходила к мужу за перегородку, пока тот храпел, и выясняла, сколько он проиграл за неделю. Обоих уложили. Грузчика укладывал я.

Сегодня у третьей ниши Серова потянулась к запястью Грома левой рукой и не дотронулась. Пальцы замерли в двух пальцах над кожей. Соль по краю колыбели потемнела. Гром повёл глазами под веками. Лицо девушки исчезло так быстро, что я едва успел заметить перемену. У остальных на это уходит не меньше половины минуты. У неё — один вдох.

Я стоял у изголовья с часами и смотрел, как на шее проступают следы. Сначала одно широкое пятно спереди. Потом четыре сбоку. Гром правша и душит одинаково. В деле шесть описаний.

Пульс я отсчитывал по жилке под пятнами. Девяносто шесть. Для человека, которого душат, мало. Она не отбивалась. Искала.

На седьмой минуте начала считать. Сначала губами, потом шёпотом. Я наклонился.

— Шесь. Пять.

Без «т». Шесь.

Старые шрамы на левой кисти натянуло. Кожа стала тесной, как перчатка на размер меньше. Так бывало только в одном месте. В моих снах, когда она подходила близко.

Четыре года каждую ночь ко мне приходит женщина без лица. Стоит у окна в чужой кухне, у белой изразцовой печи, и считает:

Семь. Шесь. Пять. Четыре. Три. Два.

До одного не доходила ни разу. Я просыпался на «двух». До утра тянуло левую руку. Я никому о ней не говорил.

Сноходца, которому четыре года подряд снится одно и то же, следует проверить. Проверенных иногда укладывают. Для их же спокойствия.

Сегодня в третьей нише поступающая Серова сказала «шесь». Потом вышла. Я приложил ладонь к шее: не повреждены ли хрящи. Хрящи целы. Пульс частый. Сто тридцать.

Под рукой убийцы — девяносто шесть. Под моей — сто тридцать.

Я сказал это вслух. Обычно поступающим цифры пульса не называют. Серова поняла раньше, чем я договорил. Шея под ладонью покраснела, и тепло перешло мне в пальцы. Руку я убрал позже, чем следовало. На полсекунды. Я успел их сосчитать.

Потом сказал то, что полагалось: таких здесь укладывают. И пошёл писать протокол.

В дверь постучали дважды, коротко, почти без паузы. Так в Академии стучит только один человек. После одиннадцати я открываю ему.

Аглая Ильинична Мирская заведует Бессонным крылом двадцать лет. Внесла поднос: чайник, две чашки, жестяная коробка мятных пряников. От неё пахло лавандой. Даже здесь, где всё отдаёт солью.

— Не спишь, детка.

Не вопрос. Аглая Ильинична не спрашивает о том, на что уже знает ответ.

— Мне тридцать пять. — А мне пятьдесят четыре, и мать до сих пор зовёт меня деткой. Ешь пряник. Ужинал? — Да.

Она поставила поднос на протокол, тут же передумала и вытянула лист из-под чайника. Прочитала без очков, на вытянутой руке.

— Девочка нашла счетовода. Полиция искала полгода, она — за шесть минут. Мало кто с первого раза видит дальше кухни. — Она видела погреб. — Вот и я о том же.

Аглая Ильинична постучала ногтем по пустой строке.

— А это что? — Строка. — Пустая. Ты не оставляешь пустых строк, Арвид. Даже в первых протоколах. Я помню. Их можно было в рамку вешать. — Вы пришли в полночь из-за одной строки? — Я пришла с пряниками. Строку заметила по дороге. — Чернила кончились.

Она посмотрела на полную чернильницу. Потом на меня. Так смотрят на ребёнка, который клянётся, что не ел варенье.

— Совет ждёт протокол к восьми. Гром наш, детка. Теперь у него третий труп. Его переведут в нижний ярус. Там каждое место на счету.

Она поднялась и разгладила шаль.

— Береги девочку. Таких у нас мало. Они дорого стоят.

Уже у двери обернулась:

— Опять тянет?

Я не заметил, что тру левую кисть большим пальцем. Убрал руку на колено.

— Погода. — В Белосоли нет погоды, детка. Есть соль и сырость. Спокойной ночи.

После одиннадцати я не ем того, что приносят в кабинет. Пряники отправились в ведро.

В половине первого в медной трубе над столом загремело. В лоток выкатилась латунная гильза. Запрос в губернский стол записей я отправил в три, сразу после экзамена. Ответ обычно идёт неделю. Этот добрался за девять часов. Ночная смена в губернии, должно быть, скучала.

Телеграфную ленту наклеили на бланк криво.

СЕРОВА ОЛЬГА ПАВЛОВНА 22 ЛЕТ СКОНЧАЛАСЬ ОТ ТИФА ДВА ГОДА НАЗАД ТЧК ПОГРЕБЕНА ПЕСЧАНОЕ КЛАДБИЩЕ УЧАСТОК СЕМЬ ТЧК ДОКУМЕНТЫ ПОКОЙНОЙ В СТОЛ НЕ СДАНЫ ТЧК

Я прочитал дважды. Перевернул протокол. Первая строка: Серова О. П., двадцать четыре года. Мёртвая Серова сегодня сдала мне вступительный. Без касания. С отличием.

Я налил чай из чайника Аглаи Ильиничны, понюхал и вылил в ведро. Заварил свой.

Кто она, я понял не сразу. Минут двадцать сидел и перебирал приметы, как карточки.

Левша. К Грому тянулась левой, правую держала у бедра.

Волосы короткие, неровные, ступенька сзади. Так стригут себя сами, не глядя в зеркало.

Белый старый шрам через левую бровь. Года три. Может, четыре.

Считает, когда страшно. Говорит «шесь».

На шраме карточки сошлись.

Кожевенная, дом девять. Четыре года назад. Обыск шёл третий час. Вереска увели в первые десять минут. Он шёл к карете и шутил с конвойными о погоде. Дарья, его жена, к тому дню уже четыре года числилась умершей. В бумагах это называлось смертью. Дочь, девятнадцатилетнюю, в доме не нашли.

В спальне на втором этаже стоял шкаф. Я открыл его последним. Между шубами и задней стенкой сидела девушка. Молчала. Обеими руками прижимала к горлу что-то на шнурке. Из рассечённой брови кровь текла в левый глаз. Она не моргала.

Внизу ждали двое из охранного отделения. Приказ был на всю семью.

Я закрыл дверцу. В протоколе обыска написал: «Дочь в доме не обнаружена».

Через месяц уложил Богдана Вереска. Это была моя работа.

Его дочь сегодня лежала в моей колыбели и вошла в сон убийцы, не прикоснувшись к нему. Под именем Серовой два года в земле лежит чужая девушка. А голос — как у той, что четыре года стоит в моём сне у чужого окна.

Если вписать «врождённый», её уложат. Может быть, женщина без лица после этого перестанет приходить. Четыре года я хотел, чтобы она перестала.

Я обмакнул перо и заполнил строку: «По касанию. Касание направлено экзаменатором».

Ниже, в графе рекомендаций: «Допущена к Бессонному крылу. Рекомендована в группу дознания (магистр Холм)».

На полях, рядом со временем сна, стояла цифра 130. Карандашом, мелко. Я не помнил, когда успел её поставить. Подцепил лезвием бритвы и снимал графит по крупице, пока бумага не стала почти прозрачной. Крошки стряхнул со стола.

На последней странице тетради был список. Даты и по два-три слова. Предпоследняя запись — одиннадцать месяцев назад: «Матери: сказал, что ужинаю».

Я добавил две строки.

«А. И.: ужинал».

«Протокол, ниша три».

Фамилию не написал. Всё равно это была не её фамилия.

Лёг в начале третьего на кушетку, не раздеваясь. Будильник на пять. В восемь Совет, а мне хватает трёх часов. Хватает уже четыре года.

Кухня была прежней. Белая изразцовая печь, трещина у заслонки. Стол без скатерти. Солонка в виде утки. За окном вечер, который не кончается. Этот дом я в Белосоли так и не нашёл, хотя обошёл полгорода.

Она стояла у окна. Серое домашнее платье, руки опущены. Лица не было. Не маска и не туман. Гладкое светлое место, плотное, как скол каменной соли, на котором ещё ничего не вырубили.

— Семь, — сказала она. — Шесь. — Пять.

Левую кисть свело. Пальцы сжались сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.